

ТРИ ЕГО ПРОФЕССИИ

Свое призвание он определил рано и точно. Мечтая о том, чтобы стать театральным критиком (на склоне лет вспоминает: «Мне казалось, что в мире нет ничего обольстительнее этой профессии»), гимназист Пазел Марков после каждого спектакля писал на него рецензию. Спектаклей он перепробовал множество, и отзывов в старых тетрадях сохранилось множество: «Макбет», прошедший в Малом театре в начале 1914 года, балет «Конек-Горбунок», показанный 31 декабря, в канун 1915 года, всеми забытая «Генеральша Матрёна» у Корша, бессмертный спектакль «Три сестры» в Художественном театре...

Отзывы эти так соответствовали стилистике профессиональных рецензий, так кратки и насыщены, что, кажется, они были заказаны юному критику в точном размере «ста строк», тех убогих газетных столбцов, которые отводились театру в каждом номере «Московских ведомостей» или «Новостей дня».

Между тем они совсем недавно найдены учениками Павла Александровича — без малого сотня статей, интересных как нелицеприятной точностью (иногда юношеской резкостью) оценок, так и прежде всего воплощением тех основных принципов, которым будет верен Марков-критик на протяжении всей своей долгой жизни. Размышления об «итогах сезона 1912/13 года» — обзор развёрнутых обзоров, посвящённых сезону двадцатых — тридцатых годов. Лаконичные зарисовки-портреты Ермоловой, Полевичко, Радина, Москвина в новых ролях — словно эскизы к тем классически ясным «театральным портретам», которые, как и обзоры, вошли в недавнее четырёхтомное собрание сочинений П. А. Маркова.

Новая «Книга воспоминаний» не просто дополняет это собрание, но открывает удивительную цельность личности, мышления, творчества, самой жизни человека, который на протяжении многих десятилетий был не только летописцем, но истинным строителем советского театра.

Когда-то известный критик Ярцев предостерегающе говорил начинающему критику Маркову о том, как тяжко ходить в театр по обязанности, смотреть не то, что хочется, как трудно «говорить людям правду в лицо...». Между тем с середины двадцатых годов положение Маркова было гораздо сложнее, чем положение любого из его коллег. Он не обычный критик, воспринимавший спектакль из зрительного зала, но сотрудник Художественного театра, основатель новой профессии — заведующего литературной частью театра (завлита).

Справедливости ради нужно сказать, что тот же Ярцев работал в «литературном бюро» Театра Комиссаржевской, что Валерий Брюсов был приглашен заведовать подобным «бюро» в так и не открывшейся «студии на Поварской». Но те союзы были коатковременны. Марков же остался в театре навсегда, стал необходимым К. С. Станиславскому и Вл. И. Немировичу-Данченко, всем поколениям Художественного театра.

Сегодня завлит — профессия привычная, неременная штатная единица любого театрального коллектива. Истинный завлит становится незаменимым помощником главного режиссера. Он не просто следит за драматургией и литературой,

но умеет точно выбрать в драматургии пьесу своего театра, увидеть в романе или даже поэме возможность создания драматического произведения, которое откроет новые возможности и писателя, и театра.

Марков был завлитом идеальным. Он не просто «сводил» режиссеров с драматургами, но умел, казалось, без малейшего напряжения создать в театре такую истинно творческую атмосферу, в которой естественно встречались «художественники» всех поколений с Леоновым и Булгаковым, Всеволодом Ивановым и Катаевым, Треневым и Корнейчуком, Афиногеновым и Олешей, Погодиным и Кроном. И в жизнь, в самое творчество писателей навсегда входило это общение с «художественниками» в том числе с Марковым. Его театральный

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД СТРАНИЦАМИ «КНИГИ ВОСПОМИНАНИЙ» П. А. МАРКОВА

кабинет был средоточием поисков, многочасовых споров, летучих коротких совещаний. Его дом был всегда открыт для всех.

Обзоры, портреты, размышления, стенограммы, опубликованные в «Книге воспоминаний», воплощают явственную, последовательную партийную позицию Маркова. Мысля широко и свободно, радуясь острым экспериментам, он всегда оставался представителем Художественного театра, разделяющим его мировоззрение, исповедующим его эстетическую систему.

Театр этот, как известно, никогда не мог жаловаться на равнодушие прессы. И все же К. С. Станиславский сетовал на то, что среди критиков «очень немногие понимают наше специальное искусство, его технику и психологию образного творчества. Еще реже попадаются люди, которые знакомы с механикой сцены и условиями театральной работы».

Марков сам был представителем «образного творчества» — литератором в высоком и ответственном смысле этого слова. Это все время ощущаешь, читая «Историю моего театрального современника». Отдельные главы «Истории» публиковались в журнале «Театр». В «Книге воспоминаний» они собраны и отлично дополнены материалами, которые автор не успел напечатать. Читая их, слышишь голос Маркова-раскачки, умевшего одновременно перевоплотиться в объект рассказа и сохранить, показать интонацией свое к нему отношение. Несколькими словами создаются объемные образы Станиславского перед началом нового сезона, Садовской, играющей графиню-бабушку в «Горе от ума», Булгакова или Афиногенова на репетициях, Мейерхольда, гремящего Маркова за то, что тот «перехватывает» пьесы для своего театра, то есть для Художественного.

Живущий в театре, он предугадывал опасности, возможность болезни, еще не проявившей себя. Он умел сказать «правду в лицо», при этом не обидеть актера, но с ним вместе понять причину неудачи. Мы понимаем, почему Станиславский снял Книппер-Чехову с роли Клары в «Страхе», когда читаем у «театрального современника»: «Не помогала и характерность, которую она тщетно искала, и папираса в

ее легких, изящных руках казалась, скорее, игрушечной пахитоской». Понимаем, в чем несогласие Маркова с решением финала «Последней жертвы» у Тарасовой — несогласие, о котором он прямо говорил при обсуждении спектакля, имевшего громадный и совершенно заслуженный успех.

Завлит, режиссер, ставивший спектакли в МХАТе, в Малом театре, в Музыкальном театре имени К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко, сумел остаться верным профессии театрального критика. Никогда не оправдал предостережений с тяжести посещения театра «по обязанности». Кажется, ему всегда было в театре интересно. На премьерах МХАТа и ТЮЗа, на гастролях спектаклей знатных и скромных гостей неременной была в первых рядах партера легкая фигура в черном костюме.

Он равно любил писать об отдельной роли, об одном спектакле и о пути целого театра, об итогах сезона, десятилетия, о театральной эпохе. Роль для него — часть спектакля, премьера — неотъемлемая часть сезона в его открытиях или издержках. Каждую «отдельность» он видел частью самостоятельного, великого, вечно развивающегося искусства театра, и это видение помогало Маркову не только точно оценить настоящее, но и прогнозировать будущее. В то же время соотношение театра с литературой (не только с драматургией), с живописью, вообще с эволюцией пластического искусства и музыки существенно для Маркова. Всегда чувствовать многообразие и уникальность театрального искусства — учил он своих учеников. Учеников было множество. В ГИТИСе им. А. В. Луначарского, где Марков выпускал курсы театроведов, в студиях, в самом театре. Можно сказать, что вся театральная молодежь тридцатых — семидесятых годов проходила ученичество у Маркова. Если даже оно ограничивалось лекцией, несколькими беседами — оставалось незабываемым. Критиков он учил быть критиками, сочетая знание театральной современности и истории культуры с ясностью и бескомпромиссностью собственной позиции. Людям театра он помогал найти себя в самом сложном, самом беспощадном и требовательном искусстве, а для людей, любящих театр, умел открыть сложность актерской, режиссерской профессии, столь привлекательной со стороны.

Ученичество у Маркова определило состав и уровень подготовки «Книги воспоминаний», как, впрочем, и собрания сочинений. Ученики разбирали архив, составляли, вели, редактировали книгу. Отличное послесловие — портрет учителя написала Алла Михайлова. А предисловие сделано председателем комиссии по наследию Маркова Ангелиной Осиповной Степановой. В «Книге воспоминаний» есть строки о том, как Марков и Степанова приехали к Маяковскому после премьеры «Бани», как играла юная актриса в Третьей студии МХАТа, где Марков начинал свою педагогическую деятельность. Оказывается, и Степанова училась у Маркова. Впрочем, чему тут удивляться? Восьмидесятилетие Павла Александровича Маркова отмечалось в зале Художественного театра. Председатель обратился к зрительному залу: «Ученики Маркова, встаньте!». Встал весь театр.

Е. ПОЛЯКОВА,
доктор искусствоведения.